

## **Егор Егорович Ломоносов:**

В истории Великой Отечественной войны Дриссенский район Витебской области - один из самых пострадавших по масштабам военного опустошения во всей Беларуси. Немецкими и латышскими карательными отрядами из 426 деревень здесь были сожжены 300 - вместе с мирными жителями. Моя родная деревня Бузово тоже попала в их число...

... Мне было всего семь месяцев. «Зимнее волшебство»... так называлась та конкретная карательная операция, запредельная в своем изощренном цинизме. Будучи уже взрослым человеком я искал информацию в документальных свидетельствах: в той смертоносной акции участвовали 20 тысяч солдат вермахта, пять полков эсэсовцев и 14 батальонов латышских полицейских. Эти «волшебники»-инквизиторы заживо жгли людей от мала до велика, сгоняя в храмы, дома, сараи. Мы спаслись чудом: отец, Егор Данилович, примчался на лошади в Бузово, запряг сани, забрал маму и нас, да еще пятерых детей наших соседей Рудковских. Мы выезжали из деревни, а с другой стороны заходили каратели; нас заметили, несколько очередей выпустили по нам, но не достали. Потом, говорили, недалеко от пепелища партизаны нашли девушку, которая спряталась в стогу сена и осталась жива. Видела все своими глазами, и успела рассказать... Только на следующий день умерла - увиденный ужас не позволил выжить.

Отец нас спас. Мне известна судьба одного из соседских мальчишек, которые с нами тогда уехали, Иосифа Рудковского: буровой мастер стал Героем Социалистического труда...

Жили мы сначала в глухой деревушке Ермолино, приютила в своем небольшом домике семья Голыньских. Когда партизанская разведка докладывала, что идут немцы, партизаны уводили людей из деревень далеко в леса, к месту своих баз, где устраивали лагеря для беженцев. Там мы переживали опасность, жили в землянках, шалашах из еловых веток – я их называл «будкой». Потом, уже после освобождения, когда меня уложили в первый раз спать в кровать, я не мог заснуть и кричал: «В будку!»; мама устроила мне на кровати подобие шалаша из одеяла, только тогда я заснул. Мама рассказывала, как пеленала меня возле костра, прямо на земле, говорила, что от укусов комаров у меня распухало лицо так, что глазенок не было видно. Когда каратели уходили, люди возвращались обратно в свои деревни, не раз такое бывало. Старшие вспоминали, что когда при мне говорили слово «немцы», я цеплялся за маму так, что было не оторвать. И просил «ох» - это тряпочка такая, в которую кусочек разжеванного хлебца

заворачивали, наподобие соски.

Когда приходилось скрываться от карателей, меня мама носила всегда сама, братья могли помочь, но я признавал только мамины руки, только тогда молчал и не капризничал... В январе 1944 года фашисты добрались и до Ермолина. Спасались бегством, и мама, вконец обессилив, сказала братьям: «Идете со всеми, я останусь». Но они не ушли, не бросили нас. Потом стало известно, что колонна, в которой было больше полутора сотен человек, ушедшая вперед, была расстреляна гитлеровцами. А мы пятеро спаслись. Страх от этих событий был просто неопиcуемый. С нами бежала хорошо знакомая семья: мать с двумя дочками, двух и шести лет. Когда немцы стали нас настигать, мать оставила маленькую в лесу и ушла со старшей дочерью. Потом вернулась искать ее, нашла, малышка сидела возле брошенного мешка, выковыривала из него зернышки и ела. Трудно мне об этом говорить, и оценивать такие поступки не берусь... Так - было. И года полтора года мы так от карателей скрывались.